

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ДРУЖЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА

Жанр посвящений в России XVIII в. эволюционировал так же, как и литературные жанры. Если торжественная ода, несмотря на все модификации, сохраняла свое значение до конца столетия, то и дедикации государю, вельможе, государственному деятелю неизменно продолжали появляться в русских изданиях и в 1790-е гг., и далее. Но так же как в поэзии постепенно стали выдвигаться на первый план камерные жанры (особенно стихотворные дружеские послания), так и посвящения стали принимать менее официальный характер. Изменялся характер отношений между автором и адресатом, дистанция между ними сокращалась, другим становился и самый стиль дедикации, что находило отражение и в обращении, и в подписи.

Культ дружбы, пришедший в европейскую и русскую литературу в период расцвета сентиментализма, способствовал развитию дружеского письма. Это тоже оказалось важным стимулом для возникновения нового типа дедикации.¹ Письмо-посвящение («*épistole dédicatoire*») независимо от адресата было пространным. Когда же оно стало обращаться не к официальному лицу, а к другу, близкому или даже родному человеку, возникла новая разновидность жанра. Это частное письмо обретало литературные права: оно публиковалось и, таким образом, предназначалось не только для адресата, но и для достаточно широкого круга читателей. Уже в 1760-е гг. в России появляются издания, открывавшиеся посвящениями другу или приятелю.

¹ Связь этого типа посвящений с культом дружбы прослежена на материале библиотеки В. Л. Глейма в магистерской диссертации Дианы Штёрт: *Störi D. «...aus Herz und Hand des Freundes» — Untersuchungen zu Form und Funktion der handschriftlichen Widmung im 18. Jahrhundert am Beispiel der Gleimbibliothek zu Halberstadt*. Magdeburg, 2004. Благодарю Н. Ю. Алексееву за помощь в ознакомлении с этим трудом.

Одной из важных особенностей этих дедикаций было обращение к адресату без упоминания его титулов и наград. Так, С. И. Глебов² посвятил свой перевод комедии Д. Дидро «Чадолубивый отец» («Le père de famille») Степану Степановичу Зиновьеву,³ который, как и переводчик, принадлежал к знатному роду. Глебов, очевидно, не нуждался в его покровительстве, но ценил его литературный вкус. Посвящение начиналось следующим образом:

«Приятелю моему Степану Степановичу Зиновьеву

Государь мой!

Вы хотели видеть комедию г. Дидерота, называемую *Старший в роде* на нашем языке и хотели, чтоб перевел ее я; желание ваше исполнилось: я, жертвуя своим свободным временем моим приятелям, коих власть надо мною беспредельна, перевел для вас оную, не уважая, что тем могу подвергнуться критике некоторых писателей. Я знаю, что на вкус всех угодить не можно, и для того хочу только, чтоб перевод мой понравился вам, протчим приятелям моим и авторам, кои театральными и другими разными в стихах и прозе нравоучительными сочинениями причинили согражданам моим пользу и увеселение».⁴

Текст посвящения как бы продолжает непринужденную приятельскую беседу двух любителей литературы, образованных людей, не отделенных друг от друга сословными или имущественными преградами. Вместо привычного обращения «Милостивый государь мой» или даже «Милостивейший государь мой» Глебов пишет просто «Государь мой», не боясь разгневать своего адресата. Распространенная формула, подтверждавшая, что перевод был сделан в «свободные от службы часы» (дабы чиновное лицо не заподозрило злоупотребления по службе), заменяется здесь словами «жертвуя свободным временем моим приятелям». Дедикация, вопреки традиции, не содержит панегирика адресату. Наконец, характерно и завершение посвящения:

«Оканчивая, прошу позволить мне надеяться о продолжении вашей ко мне приязни, а обо мне верить, что я пребуду навсегда вашим,

государь мой, покорным слугою

Сергей Глебов»⁵

² См. о нем: *Заборов П. Р.* Глебов С. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. А—И. Л., 1988. С. 197—198.

³ С. С. Зиновьев (1740—1794) впоследствии был послом в Мадриде и дослужился до чина генерал-поручика.

⁴ Чадолубивый отец. Комедия в пять действий. Сочинение г. Дидерота. Переведена с французского. СПб., 1765. С. 5—6 нenum.

⁵ Там же. С. 6 нenum.

В отличие от обычной просьбы «продолжить милости»⁶ или покровительство, переводчик лишь просит о продолжении «приязни», что тоже свидетельствует об ином характере отношений. Сходным образом построено и посвящение Глебова, адресованное другому его приятелю — Алексею Васильевичу Нарышкину⁷ и сопровождающее перевод пьесы Дидро «Побочный сын, или Опыт добродетели» (1766):

«Государю моему Алексею Васильевичу Нарышкину

Государь мой! Следуя во всем мне возможном воле моих приятелей, перевел я по желанию вашему комедию г. Дидерота, называемую *Побочный сын*, или *Опыт добродетели*. И хотя я хочу, чтоб она понравилась всем, кто ее читать станет; однако еще больше хочу, чтобы вы приняли ее с таковым же чувствованием, с каковым я для вас переводил, и верили бы, что я за удовольствие почитаю быть вашим, Государь мой!

покорный слуга Сергей Глебов».⁸

Эти посвящения, обращенные к приятелям, составлявшим некий кружок любителей литературы, не связанным служебной зависимостью, но имеющим сходные интересы и вкусы, свидетельствуют о существенной трансформации жанра дедикации: меняются его функции и ряд формальных признаков.

Конечно, законы жанра Глебову были хорошо знакомы, как видно из другого его посвящения, написанного почти одновременно. В том же 1765 г. он издал свой двухтомный перевод книги Плутарха «Житие славных в древности мужей», посвятив труд Е. Р. Дашковой, пользовавшейся еще в это время большим влиянием при дворе Екатерины II. Обращение к адресату построено здесь по всем правилам, поскольку дедикация предназначена для «кавалерственной дамы»:

«Ея Сиятельству
милостивой государыне
княгине Екатерине Романовне Дашковой
урожденной графине Воронцовой
ордена святых Екатерины кавалеру
и двора ея императорского величества действительной
штатс-даме»

⁶ См.: Warda A. Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji. Łódź, 2000. S. 29.

⁷ См. о нем и его дружеских отношениях с Глебовым: Степанов В. П. Нарышкин А. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К—П. СПб., 1999. С. 327—330.

⁸ Побочный сын, или Опыт добродетели, комедия в пяти действиях Дидерота. СПб., 1766. С. 3—5 нenum.

Текст посвящения выдержан в самом почтительном тоне:

«Сиятельнейшая княгиня, Милостивая государыня,

Кому справедливее могу поднести переведенные мною житии славных мужей, писанные Плутархом, как Вашему Сиятельству? Вы, прилежа сами к учению и стараясь побудить к тому других, ободрили меня, милостивая государыня, к переводу сей полезной книги...»⁹

Восхваляя достоинства княгини, переводчик, как и положено, выражает надежду на то, что его труд «благодарно принят будет». Лишь завершая дедикацию, Глебов позволяет себе несколько отойти от обычного шаблона:

«Я же, почитая для себя за первое удовольствие название вашего друга, которое вы мне дать изволили, утешаюсь, что узнает каждый, у кого сия книга в руках будет, что я вам навсегда, милостивая государыня, Вашего сиятельства

всепокорнейший слуга Сергей Глебов»¹⁰

Избегая малейшей фамильярности, переводчик со всею учтивостью подписывает посвящение словами «всепокорнейший слуга», но не без гордости говорит о том, что Дашкова назвала его своим другом и что для него это «первое удовольствие». Так, даже в дедикацию, оформленную по всем правилам, начинают проникать дружеские ноты, смягчающие официальный характер жанра. Эта тенденция становится более явственной в посвященных письмах, часто являющихся аналог документальному эпистолярному жанру и, как правило, пространных по своему объему.

Посвятительное письмо, обращенное к приятелю или другу, часто представляло собой своеобразное продолжение бесед между автором и адресатом. При этом содержание книги, которой предшествовало такое письмо, оказывалось как бы иллюстрацией к рассуждениям собеседников. Примером может служить «Приписание к приятелю», которое И. И. Акимов¹¹ предпослал своему переводу книги «Похождение Карла Орлеанского и Анибеллы» (1765). Переводчик подробно развивал тему, явно волновавшую и его, и его адресата, имя которого названо не было. «Государь мой! — обращался Акимов к приятелю. — Некогда рассуждая с вами о чинимых насильствах человечеству против природы оного, памятуется мне,

⁹ Житие славных в древности мужей, писанное Плутархом. С французского на русский язык перевел Сергей Глебов. СПб., 1765. Т. 1. С. 3—5 нenum.

¹⁰ Там же. С. 6 нenum.

¹¹ Об И. И. Акимове см.: Мартынов И. Ф. Акимов И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 23—24.

напоследок дошли мы и до того, сколь развратно иногда поступают родители с детьми, а опекуны и приставники со вверенными им питомцами, домогаясь усильно истребить из них такие дарования, кои, если б заблаговременно подкреплены и благоразумными наставлениями исправлены были, могли б обществу произвести великую пользу...»¹² Далее автор посвятительного письма подробно говорит о злоупотреблениях опекунов, которые «погубляют людей», и вновь обращается к приятелю: «Вы, государь мой, желая видеть сему какой-нибудь описанный пример, дабы чрез то некоторым образом посрамить или усовестить таковых насильников человечества, требовали сходное с сею материею либо сочинить что или перевести на наш язык. Во удовольствие ваше сие похождение, сходное с тогдашним вашим желанием, я и перевел; и ныне, приписав вам яко виновнику сего моего труда, по просьбе друзей моих издаю для общего удовольствия».¹³

Особый интерес представляет собой переведенная М. И. Поповым книга «Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых» (1766), включавшая сочинения Ф. Фенелона и Ф.-Г. Менье де Керлон.¹⁴ Издание открывается «Письмом к Николаю Ивановичу г. Навикову [так!]». По форме это не столько посвящение, сколько именно письмо, хотя и не датированное. Книгу издавал Новиков, и можно полагать, что Попов просил его напечатать этот текст так же, как и следующее за «Письмом» «Предупреждение». Обращение к Новикову и похвалы в его адрес были совсем непохожи на трафаретные формулы. Вместо традиционной дедикации книгу предваряло дружеское письмо, начинавшееся следующим образом:

«Государь мой! Дружба ваша и приязнь всегда для меня были драгоценны, и я их навсегда потщусь сберечь, оне одне сильны были произвести в моем сердце вечную к вам дружбу и почтение; но ваше доброе сердце и похвальная склонность к снисканию добродетели и учения, которая приобретает наконец человеку незыблемую славу, прилепляют к вам мою душу наиболее, и я вам равно не иным чем мог понравиться, как этою же самою склонностию, которая восхищает вашу душу...»¹⁵

То расстояние, которое обычно разделяло автора дедикации и его адресата, исчезало в этом «Письме», совершенно лишенном какого-либо подобоострастия. Вместо официального обращения «ми-

¹² Похождение Карла Орлеанского и Анибеллы. Перевод с немецкого [И. И. Акимова]. СПб., 1765. С. 5 нenum.

¹³ Там же. С. 8 нenum.

¹⁴ О М. И. Попове и этом издании см.: Степанов В. П. Попов М. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 469—472.

¹⁵ Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых. Переведены с французского. СПб., 1766. С. 5—6 нenum.

лостивый государь» переводчик, как и Зиновьев, тоже писал просто «государь мой», нисколько, очевидно, не опасаясь, что этим может задеть самолюбие Новикова. Попов обращался к нему как к другу, помощнику и единомышленнику. Переводчик вспоминал о своем знакомстве с Новиковым и обещании «сообщать» ему все свои сочинения «как собственные, так и преложенные с других языков». «Обещание сие, — продолжал Попов, — имею я случай исполнить теперь самым делом; нужды мои зовут меня из Санктпетербурга, в который, может быть, не скоро я возвращусь; обучение мое во французском наречии было причиною мне для переводу двух малых повестей <...> сии обе книжки при сем, государь мой, вам сообщаю, чем исполняю и ваше, и мое желание. А я впредь потщусь услужить чем-нибудь важнейшим вначале обществу, коему мы завсегда обязаны служить посильным нашим трудом, а по нем и вам, и стану стараться трудами моими подтвердить обо мне ваше мнение и чрез то пребыть навсегда вашим, государь мой, верным слугою, М. П.»¹⁶

Едва ли можно сомневаться в том, что это подлинное письмо. Характерно, что Новиков опубликовал его (возможно, несколько сократив) и придал таким образом ему функцию дедикации. Для издателя важны были не похвалы в свой адрес, но желание подчеркнуть новый тип отношений между автором и адресатом — отношений, основанных не на чинопочитании, но на дружеской приязни, на общности целей и интересов. Самый факт публикации явился как бы ответным дружественным жестом: проявлением уважения к начинающему литератору, который к тому же совсем недавно был придворным актером (тогда к этой профессии многие дворяне относились с пренебрежением).¹⁷ Появление в печати письма Попова, как и некоторые другие опыты дружеских посвятительных писем, означало появление новой традиции, получившей вскоре свое развитие.

В том же 1766 г. было напечатано еще одно дружеское «посвятительное письмо», принадлежавшее переводчику книги Ла Плиньера А. Ж. Ле Риш «Даира, Восточная повесть» (1766—1767. Ч. 1—4), которая входила в круг чтения юного Н. М. Карамзина.¹⁸ Имя переводчика на титуле было означено инициалами «Н. Д.», посвящение подписано «Н. Дан», т. е. Николай Иванович Даниловский (Данилевский).¹⁹ Книгу предваряет «Письмо от трудившегося в пере-

¹⁶ Там же. С. 7—8 нунум.

¹⁷ Известно, что родители Д. И. Фонвизина были недовольны его дружбой с И. А. Дмитриевским, а М. М. Херасков, покровительствуя И. Ф. Богдановичу, объяснял ему «неприличность актерского звания для благородного человека» (Геннади Г. Автобиография И. Ф. Богдановича // Отечественные записки. 1855. № 4. С. 184).

¹⁸ См.: Галахов А. Д. Карамзин. (Материалы для определения его литературной деятельности) // Современник. 1853. Т. 37. Отд. 3. С. 8, 10—11.

¹⁹ См. о нем: Кочеткова Н. Д. Даниловский (Данилевский) Н. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 240—241.

воде к его другу А. Г. Толс<тому>», датированное 25 мая 1766 г. Как и Попов, переводчик не упоминал никаких титулов своего адресата и начинал свое письмо обращением «Любезный друг!» Далее следует пространное рассуждение о дружбе, о тех качествах, которыми обладают истинные друзья:

«Тот за особое себе благополучие поставлять должен, кто имеет такого человека, с кем открытым и нелицемерным сердцем, свободным и спокойным духом беспристрастно обо всем разговаривает, подает ему советы, сам от него оные принимает, утешает его в напастях, сам от него утешаем бывает, делит с ним всякое злополучие и бедственное приключение, зная, что и сам в подобных случаях тем же награждаем бывает: одним словом, всю жизнь свою, каким бы она самовластно нами управляющею судьбою переменам подвержена ни была, разделяя, всечасно веселится и чувствует совершенную приятность, с беспримерным удовольствием соединенную. <...> Истинное дружество и в гордом богатстве более самого богатства увеселяет, в пышной знатности более самой знатности украшает, также в великой бедности вспоможение делает, в жестоких бедствиях и в несносных злосчастных приключениях отраду и успокоение изнуренному сердцу подает».²⁰

Далее, вновь обращаясь к Александру Григорьевичу Толстому,²¹ автор посвящения вспоминает о том, что их «сердца почти с самого младенчества соединены неразрывным союзом дружбы». Сетую на «несносное время» их «теперешней разлуки», Даниловский стремится подтвердить свои чувства этой книгой, переведенной в отсутствие друга и посвященной ему. Переводчик хочет «чрез сие посвящение хотя несколько дать знать свету, что есть еще и теперь такие верные друзья, на коих в древние времена народы с удивлением взирали, как на особый с небес ниспосланный к ним дар». Повторяя обычную для дедикаций формулу («дать знать свету»), Даниловский по-новому использует ее: прославляется не знатный покровитель, а частный человек, друг. Правда, упоминается об «оказанных» им «великодушных поступках» по отношению к автору посвящения. В чем эти поступки состоят, не уточняется, но адресат предстает в традиционной роли покровителя, и потому закономерно появляется еще одна расхожая формула: «...никому иному, кроме вас, любезный друг, посвятить пристойнее не нашел». Так, автор дедикации продолжает прибегать к устоявшимся, стандартным штампам, вплетая их в свое столь еще необычное для того времени дружеское письмо.

²⁰ <Ла Поплиньер А. Ж. Ле Риш>. Даира. Восточная повесть... Перевел с французского языка Н. Д. М., 1766. Ч. 1. С. 3—5 нум.

²¹ О нем см.: Я[стребцов] Е. Толстой А. Г. // Русский биографический словарь. Т. «Тобизен — Тургенев». М., 1999. С. 35.

Элементы сервилизма, отличающие посвящения К. А. Кондратовича,²² проявляются и в его дедикации, обращенной к человеку, которого он называет приятелем (в то время почти синоним слову «друг»). Переведенная Кондратовичем книга «Двенадцать отборных речей...» Цицерона (1767) открывается посвятителем письмом, начинающимся со своеобразного наименования адресата: «Благородному господину директору собственных медных заводов Ивану Петровичу, его благородию Осокину,²³ моему искреннему приятелю и дознанному благодетелю с почтением». Переводчик вспоминает о «девятилетнем дружестве» с покойным отцом Осокина, который «неоднократно, да и чувствительно» его облагодетельствовал, затем благодарит сына за одолжения, «отеческим одолжениям подобные». Обращаясь к благодетелю с почтением, но вместе с тем и некоторой фамильярностью, Кондратович писал в свойственной ему витиеватой манере:

«А что продолжение вашего ко мне дружелюбия я и ведаю и вижу, час от часу умножаемое, того ради в залог моей к вам искренности прошу искренно искреннею принять десницу в домашней вашей, охотнику к чтению приличной библиотеке, много книг содержащую, и сию между оными вместить имеющую книжку. При котором принятии равно ж прошу и меня содержать как в природном, так и в христианском, с благою совестью согласном вашем усердию и доброжелательстве неотменно».²⁴

Не совсем обычна и подпись под текстом посвящения: «Вам, моему приятелю неперемный приятель и доброжелательный слуга, Академии наук коллежский асессор Кириак Кондратович». Несмотря на явную материальную зависимость от своего адресата, переводчик постоянно повторяет, что они приятели, и это если не уравнивает их, то сокращает дистанцию между ними. Характерно также, что Кондратович называет себя не «нижайшим», не «преданнейшим», не «покорнейшим слугой», как это было принято в большинстве дедикаций, но «доброжелательным слугой».

²² См. о нем и его посвящениях: *Бердников Л. И.* Из истории книжного посвящения в России (Кириак Кондратович и Господин Господинович) // *Бердников Л. И.* Счастливый Феникс: Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII—начала XIX века. СПб., 1997. С. 162—174; *Николаев С. И.* Кондратович К. А. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. С. 115—118.

²³ По всей видимости, это тот же Иван Петрович Осокин, который спустя много лет, будучи подполковником, членом Вольного экономического общества, в 1791 г. издал сочинение «Примечания для приведения в лучшую доброту разных российских шерстей и для умножения добротной шерсти в России, также и в пользу фабрик служащие».

²⁴ Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей. СПб., 1767. С. 5 нenum.

В дружеских посвяtitельных письмах вырабатываются новые формулы обращения к адресату. Так, в Петербурге появляются две книги, разделенные небольшим хронологическим периодом в три года (1768 и 1771) и содержащие посвящения, одинаково оформленные. Авторы, адресаты и самые тексты посвящений совершенно разные, но начинаются они одинаково: «Любезному приятелю <...> дружеское приношение», а затем следует обращение: «Любезный друг!» Оба письма весьма пространны, и каждое интересно по своему содержанию.

Первая книга под названием «Блаженство. Разговоры животных»²⁵ (1768) была переведена С. С. Башиловым и посвящена И. И. Голикову. Оба были разночинцами, людьми начитанными, серьезно занимавшимися русской историей.²⁶ Башилов, как и Даниловский, начинает свое посвящение с рассуждения о дружбе:

«Если, по мнению любопытных испытателей человеческого естества, дружба почитается таким даром, который и благосостояние смертных украшать, и горестные приключения услаждать может, то я бы был весьма несправедлив, если бы скрыл то удовольствие, какое я ощущаю от сего драгоценного в человеческом роде союза. Иметь верного собеседника, искреннего во всяких приключениях соучастника, надежного советника и усердного помощника, словом, другого себя и, следовательно, двойное бытие, есть такое удовольствие, которое легче чувствовать, нежели изъяснить можно и которое тем только сердцам известно, кои ощущают дружбу в полном ее напряжении. Я в обращении с вами находя все то, что дружба драгоценного в себе ни имеет, не могу пропустить способного случая, чтоб не засвидетельствовать, сколь существенна есть часть человеческого благоденствия питание, хранение и приобретение дружества».²⁷

Далее переводчик вспоминает о разговорах с Голиковым, «оставлявших самое приятнейшее наше упражнение», добавляя: «...предложенные вами мне рассуждения о человеческом состоянии были довольно основательны и весьма достойны того, чтоб для изъяснения и решения оных перевел я сию книжку».²⁸ Обстоятельно

²⁵ Авторство ошибочно приписывалось Ж.-Б. Д'Аржансу, но, как установил В. Д. Рак, это перевод книги «Dialogues des animaux, ou le bonheur» (Berlin, 1762), представляющей собой подражание и частичный перевод сочинения Дж. Б. Джелли «La Circe» (Firenze, 1549). См.: Рак В. Д. Библиографические заметки // Труды Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. 1969. Т. 11. С. 146.

²⁶ См.: Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965 (по указателю); Моисеева Г. Н. Башилов С. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 72—73; Плюханова М. Б. Голиков И. И. // Там же. С. 207—209.

²⁷ Блаженство. Разговоры животных. Переведены с французского. СПб., 1768. С. 5—6 нenum.

²⁸ Там же. С. 7 нenum.

размышляя о человеческих пороках и достоинствах, Башилов заканчивает свое посвяtitельное письмо словами: «Наконец, я довольно награжденным себя за сей труд сочту, если предложенные в сей книжке рассуждения подадут желаемое изъяснение на ваши мнения и если уверят вас о беспредельной искренности той дружбы, с какою я есмь и буду вашим верным и усерднейшим слугою С:Б.»²⁹ Посвящение становится, таким образом, не только проявлением дружеских чувств, но и частью беседы с другом на нравственно-философские темы. Самое содержание переведенной книги дополняет эту беседу и служит стимулом для ее продолжения.

Подобный же характер имеет и посвяtitельное письмо М. И. Коваленского,³⁰ предпосланное переводу повести Ж.-Ф. Мармонтеля «Испытанное дружество» (1771) и обращенное к своему старшему другу — известному философу и поэту Григорию Саввичу Сковороде (1722—1794) (разница в их возрасте составляла более двадцати лет). В этом пространным экскурсе речь идет и об авторе переведенной книги — «сочинителе» «премудрого и похвального Велизария», и о связи человека со всей окружающей его природой, и, наконец, о «пути любви и человеколюбия». В заключительной части посвящения Коваленский говорит о Сковороде как о своем духовном наставнике, являющем пример истинно мудрой и праведной жизни:

«Любезный друг! Философское ваше сердце и лета, приносящие искусное в делах испытание и исследование о жизни, истине и счастии сквозь открытия, учинившиеся чрез продолжение времени, нашли превосходнейшего блага, дарованного от небес человекам, кроме искренности, любви и дружества, которым вы и жизнь свою посвящаете. Насеяваемые вами в сердцах юности начальные правила целомудрия и изливающиеся из уст ваших с неухищренностию словеса честности и спокойного царствования сердец, изображаемая благонравием достойным мужа праведныя цены картина вашей жизни предполагают в вас человеколюбивую душу, препровождаемую законом гласа природы и просвещения. Посвятить вам сей перевод побудило меня заглавие сего сочинения и та дружеская искренность, которую я, усерднейше навсегда к вам храня, с почтением моим честь имею называться.

Любезный друг! Ваш искренний слуга М. К.»³¹

Это посвяtitельное письмо представляет собой как бы часть переписки Сковороды и его будущего биографа Коваленского, которую

²⁹ Там же. С. 21 нenum.

³⁰ См.: *Лепехин М. П.* Коваленский (Ковалинский) М. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 82—84.

³¹ *Испытанное дружество*, сочинение г. Мармонтеля. Перевел с французского языка М. К[оваленский]. СПб., 1771. С. 10—11 нenum.

они вели в 1760-е гг.³² Появление таких дедикаций свидетельствует о том, что отношения между автором и адресатом строятся — вопреки традиции — не на материальной или служебной зависимости одного от другого, а на духовной близости, на искреннем уважении к человеку не знатному, но имеющему истинные заслуги и нравственные достоинства.

К такому типу дедикаций можно отнести и посвящения 1770-х гг., обращенные к собирателю древних рукописей и книг Петру Кирилловичу Хлебникову (посвящения И. Г. Рейхеля, Н. И. Новикова и др.).³³ О дружеских отношениях между мореплавателем и литератором С. И. Плещеевым³⁴ и В. Г. Рубаном свидетельствует переведенная первым и изданная вторым книга Ф. Калверта «Путешествие аглинского лорда Балтимура...» (1776; 2-е изд. 1778). Письмо Плещеева, отправленное другу вместе с переводом этой книги, Рубан поместил в начале издания как посвящение. Упомянув о намерении Рубана посетить Константинополь, Плещеев писал: «И как путь от Каменца Подольского к Стамбулу здесь означен, то Вы туда и можете быть руководствуемы сею книжкою, которую Вам для сей единственно причины приписывая, радуюсь, что нахожу случай изъявить совокупно и те дружеские чувства, которые с начала моего с Вами знакомства имею...»³⁵ Рубан, как известно, не избалованный уважительным отношением собратьев по перу, высмеивавших его сервильные стихи,³⁶ явно очень дорожил отношением Плещеева и в конце книги поместил обращенное к нему стихотворное «Благодарение», завершавшееся строками:

Я в пользу общества предав Твою услугу,
Долг благодарности сим изъявляю другу,
Которую к тебе обязан я иметь,
И возвратившегося Тебя желаю зреть.³⁷

³² См.: *Лепехин М. П.* Коваленский М. И. С. 83.

³³ См.: *Кочеткова Н. Д.* Хвала любителю старины. (Русские литераторы XVIII века о П. К. Хлебникове) // *От Средневековья к Новому времени. Сб. ст. в честь Ольги Андреевны Белобровой.* М., 2006. С. 295—301.

³⁴ О нем см.: *Лепехин М. П.* Плещеев С. И. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. С. 441—444.

³⁵ [Калверт Ф.]. Путешествие аглинского лорда Балтимура из Константинополя чрез Румелию, Болгарию, Молдавию, Польшу, Германию и Францию в Лондон... СПб., 1776. С. 4 нenum.

³⁶ См.: *Николаев С. И.* Рубан В. Г. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 3. Р.—Я. СПб., 2010. С. 68—72.

³⁷ Там же. С. 18. И посвящения, и «Благодарение» вошли во второе издание, причем если в первом было указано, что Рубан коллежский ассессор и «Вольного Российского собрания при императорском Московском университете член», то во втором добавлено: «...ныне надворный советник, правящий должность директора над Новороссийскими училищами и Санктпетербургского Экономического общества член».

Как в посвящении, так и в «Благодарении» точно указывалась дата и место написания: «14 марта 1776 года. Пера, Константинопольское предградие» — «В Санктпетербурге. Июля 31 дня. 1776 года». Все это подчеркивало документальный характер текстов, помещенных в издание и дававших читателю возможность больше узнать и об авторе дедикации, и об адресате.

«Письмо к Ивану Ивановичу Панаеву от переводителя» открывает книгу «Несчастья, от непостоянства происходящие, или Письма маркизы Сирсе и графа Мирбеля» (1778), представляющую собой перевод сочинения К.-Ж. Дора. «Переводитель», Михаил Алексеевич Пушкин, был в 1772 г. осужден на пожизненную ссылку в Сибирь по обвинению (как некоторые считали, необоснованному) в изготовлении фальшивых денег. Знакомство Пушкина и Панаева,³⁸ состоявшееся в Тобольске, переросло в дружбу, сохранившуюся после того, как в 1774 г. Панаев уехал в Петербург. Об этом свидетельствует посвяtitельное письмо Пушкина, открывающееся словами:

«Для тебя, друг мой, предприял я перевесть с французского языка сии письма; тебе и приношу мои труды, если так можно назвать то, что я между другими упражнениями вместо отдохновения исполнил».³⁹

Говоря о своем старании при переводе «сохранить карактеры в точной силе всех лиц», Пушкин рассуждает о достоинствах и пороках персонажей, изображенных в романе, восхваляя добродетельного Жерака, порицая остроумного, но циничного Герцога и сочувствуя несчастливой судьбе героинь. Из дальнейшего текста посвящения явствует, что переводчик еще до издания книги знакомил с ней своего друга, и это их еще больше сблизило. Пушкин писал, обращаясь к Панаеву:

«Тебя, мой друг, натура одарила разумом, здравием и быстрым понятием. Я уверен, что когда ты присовокупишь к сему капиталу просвещений собственных в свете опыты; тогда увидишь ты, сколь должно убегать Герцогов и искать, как возможно, Жераков... Но что я говорю? я уже то видел, ты забавлялся с восхищением Герцоговой острою, но чувствительно плакал с Сидлеею и Жераком. Тут уже видны мне были склонности твоего сердца и силы души твоей; меня и привязали к тебе навеки. Прости мне, друг мой, мои нравоучения. Прихожу я к таким летам, которым свойственны суть бредни. Но в том тебя уверяю, что чувства любви и дружества во

³⁸ См.: *Пушков В. В.* Пушкин А. М. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 506—507; *Татаринцев А. Г.* Панаев И. И. // Там же. С. 406—407.

³⁹ [*Дора К.-Ж.*]. Несчастья, от непостоянства происходящие, или Письма маркизы Сирсе и графа Мирбеля. СПб., 1778. С. 3 нум.

мне еще в здравом состоянии обретаются, с которыми, надеюсь, пребуду я и до смерти.

Твой верный друг ***

Сибирь. 1777 года»⁴⁰

Дружеское посвящение особенно тесно связано с содержанием книги: друзей объединяет сходное отношение к прочитанному. Для автора или переводчика очень важно сочувствие и понимание, которое он находит у друга.

Издавая свой перевод героиды К.-Ж. Дора «Письмо Барнвеля к Труману из темницы» (1774), И. И. Хемницер предпослал книге стихотворное посвящение «Его благородию Николаю Александровичу Львову», представлявшее собой акrostих, в котором читается имя и фамилия адресата. Посвящение имеет характер дружеского послания, отличаясь непринужденностью и доверительностью интонации:

Любезной друг!
Нелестной дружбе труд усердный посвящаю
И знанью правому судити предлагаю;
Когда я перевод сих малых строк свершил,
О чувствовании твоём я вообразил.
Любезный друг! прими сие ты приношение,
А мне дай чувствовать едино утешенье
И мысль свою сообщи о переводе сем:
Льсти убегая, ты откроешься во всем;
В том удовольствие за труд сей полагаю.
О подлиннике ты известен уж, я знаю;
В нём тьма красот, но нет их в переводе сем.⁴¹

Известно, как в дружеском окружении Львова ценился его вкус.⁴² Хемницер ждет от своего друга нелицеприятного суждения о переводе, выражая при этом уверенность в том, что французский подлинник уже известен Львову. Обычная в дедикациях формула скромности (*topos modestiae*) приобретает несколько шуточный характер, изящно завершая стихотворение. По своему стилю посвящение Хемницера сопоставимо с его дружескими стихотворными посланиями и многочисленными письмами, обращенными к Львову.⁴³

⁴⁰ Там же. С. 5—6 нenum.

⁴¹ [Дора К.-Ж.]. Письмо Барнвеля к Труману из темницы. Героида. Перевел с французского И. И. Хемницер. СПб., 1774. С. 3—5 нenum.

⁴² См.: Боброва Л. Е. К вопросу о месте И. И. Хемницера в львовско-державинском литературном кружке // Сб. ст. Барнаульского пед. ин-та. 1958. Вып. 3. С. 332—340; Лаппо-Данилевский К. Ю. Львовско-державинский кружок // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 1. А—М. С. 567—568.

⁴³ См.: Марасинова Е. Н. И. И. Хемницер — писатель и дипломат // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 245—253.

В 1777 г. анонимный переводчик сатирического сочинения Вольтера «Древнего и нового века люди, или Уборный стол госпожи маркизши Помпадур» («Les Anciens et les Modernes, ou La toilette de Madame de Pompadour») сопроводил заглавие указанием: «Переведено и приписано от Переводчика другу его О[сипу] П[етровичу] К[озодавлеву]». Никаких титулов и чинов в посвящении не названо, текст был не столь пространным, как в посвячительных письмах, но решительно отличался от официальных дедикаций с обязательными панегириками и просьбами о покровительстве. Переводчик писал:

«Друг мой! Проходя сочинении господина Волтера, сей маленький разговор древнаго века людей с новыми мне показался весьма разумным; и для того я, упразднив часа четыре времени на перевод оный, приписываю тебе. Дружба моя родила во мне сию мысль, а просвещение твое, мне известное, побудило меня к тому. Итак, приняв сей новый опыт обнаженного моего пред тобою дружеского сердца, уверься паки, что я всегда одинаковым к тебе хочу быть. Прости. Верный твой друг.

1777 года. Марта 29 дня».⁴⁴

Высказанное Л. Б. Светловым предположение, что переводчиком и автором посвящения был соученик Козодавлева по Лейпцигскому университету А. Н. Радищев,⁴⁵ достаточно правдоподобно. «Нововводитель в душе», вскоре выступивший в «Слове о Ломоносове» против обычая «льстить царям», стал одним из реформаторов жанра дедикации. Свои важнейшие произведения «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789) и «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) он посвятил, как известно, другому своему соученику и ближайшему другу Алексею Михайловичу Кутузову.⁴⁶

Тема дружбы с 1780-х гг. занимала важное место в переписке масонов — участников новиковского кружка. А. М. Кутузов писал И. П. Тургеневу 4 октября 1782 г.: «Мне кажется, нет ничего приятнее, как беседовать с друзьями. В радости ли я? Сообщаю оную друзьям моим и ощущаю двойное удовольствие, представляя себе, что и они со мною радоваться будут. Имею ль я какую печаль? Объявляю ее вам, друзьям моим, и наперед уже чувствую облегчение, во-первых, что открыл путь мрачным мыслям моим, во-вторых же,

⁴⁴ Древнаго и нового века люди, или Уборный стол госпожи Маркизши Помпадур. Сочинение г. Волтера... [СПб.], 1777. С. 3 нунум.

⁴⁵ См.: Светлов Л. Б. Русские переводы произведений французских просветителей // Французский ежегодник. 1962. М., 1963. С. 421—428; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 56.

⁴⁶ См. о нем: Кочеткова Н. Д. А. М. Кутузов // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 174—177.

от твердыя надежды, что они утешить меня постараются».⁴⁷ Для масонов-литераторов было особенно важно убеждение в том, что друзей связывают не корыстные интересы, но духовная общность и нравственные принципы. Характерно краткое посвящение книги И. В. Лопухина «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями...» (1780), представляющее своего рода лозунг масонского братства: «Чтущим Бога и любящим добродетель усердно посвящаю».⁴⁸

И. П. Тургенев поместил в первом издании своего перевода книги Дж. Мейсона «Познание самого себя» (1783) «Приношение» — посвящение «благодетелям и друзьям», т. е. участникам новиковского кружка. Новикова и Кутузова, с которыми Тургенев сблизился в первую очередь и которые были несколько старше его, он воспринимал, судя по тексту «Приношения», как своих наставников:

«Кому приличнее могу я посвятить перевод преполезныя книжки сея, ежели не вам, благодетели и друзья мои! ибо вы причину, что я употребил труд к переводу ея на русский язык и вам, соотчичи мои, обязаны будут чтением сея книжки. Внимая учению вашему, нашел я вкус в предлагаемой здесь материи; входя в намерения ваши распространять охоту к подобным книгам, решился и я споспешествовать видам вашим, клонящимся к пользе и благу сограждан наших...»⁴⁹

Говоря о содержании книги, переводчик не только отмечал ее достоинства, но и выражал свое восторженное восхищение людьми, посвятившими себя высоким и благородным целям:

«Книга сия может служить светилом, помощию которого можно проникать в сокровеннейшие сгибы и углы человеческого сердца и видеть тамо, как слабости наши от глаз наших укрываются; вы же, яко полная луна, заимствуя свет свой от солнца чистого Учения, распространяете оный всем тем, кои желают принимать оный и просвещать им ум и исправлять сердце свое <...> вы, розы <...> изнасящие благоухания любви роду человеческому. Блажен, кто удостоится созерцать красоту цвета вашего, кто благоуханием вашим наслаждается! Примите малое сие приношение знаком моей

⁴⁷ «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу / Вступ. ст. Ю. Логмана, подгот. текста и примеч. В. В. Фурсенко // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1963. Вып. 139. Труды по русской и славянской филологии VI. С. 204.

⁴⁸ [Лопухин И. В.]. Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил. Сочиненное россиянином. М., 1780. С. 3 нenum.

⁴⁹ [Мейсон Дж.]. Иоанна Масона А. М. Познание самого себя. С аглинского на немецкий перевел М. И. Б. Р., а на российский I. Т. М., 1783. Ч. 1. С. 3 нenum.

к вам преданности и во свидетельство чистейшего благодарения за благодеяния, мною от вас полученные. Сохраняя истинное к вам почтение, никогда не престану быть вашим всепокорным и верным слугою. I. Т.». ⁵⁰

Упоминание о том, что книга переведена по совету друзей или друга, которому адресовано посвящение, встречается в дедикациях все чаще. Вполне традиционна формула «кому приличнее могу я посвятить...» Однако текст Тургенева во многом необычен: это тоже своего рода масонская декларация, утверждение нравственных принципов, объединявших участников кружка, провозглашение идей высокого братства, в которое перерастает их дружеское объединение. Панегирику, с которым переводчик обращается к своим друзьям и наставникам, мог бы позавидовать какой-нибудь сервильный литератор, стремившийся польстить своему благодетелю. Нам неизвестна реакция «братьев» на это посвящение, но характерно, что во втором издании книги (1786) текст этого «Приношения» отсутствует. Вполне вероятно, что оно было снято по совету все тех же друзей, которые уже чувствовали в это время, какие подозрения у правительства стало вызывать их общество.

Свой перевод «Ночей» Э. Юнга А. М. Кутузов хотел «приписать» «друзьям святыя истины и стройности совершенныя», ⁵¹ но переведенная им книга «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии...» (1785), изданная иждивением Типографической компании, вышла с кратким (без текста) посвящением издателей графине Анне Родионовне Чернышевой. ⁵² Это не было обычным сервильным посвящением и имело важную для московских масонов причину: за год до этого скончался главнокомандующий Москвы граф З. Г. Чернышев, тесно связанный с масонами и покровительствовавший им. А. Р. Чернышева (урожденная фон Ведель, 1744—1830) тоже «весьма протезировала» ⁵³ им, и после смерти супруга участники новиковского кружка хотели поддержать ее и выразить ей свою благодарность.

В том же 1785 г. в типографии Лопухина иждивением Типографической компании была издана книга Г. Ф. Штендера (Stender, 1714—1796) «Истина религии вообще...», переведенная, очевидно, кем-то из воспитанников Дружеского ученого общества. Вслед за «Приношением» от сочинителя, восхвалявшего «светлейшую Курляндию», был помещен текст «От переводчика», фактически

⁵⁰ Там же. С. 4 нснум.

⁵¹ «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов... С. 305.

⁵² Примечательно, что, как и в большинстве других случаев, посвящение английского автора не было переведено в русском издании.

⁵³ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792. Пг., 1915. С. XXII.

игравший роль посвящения. Здесь говорилось: «А вы, искренние друзья мои! вы, которых путь есть правота, учение — страх Божий и пример — трудолюбие; великодушие ваше не требует ни похвалы, ни воздаяния подвигам вашим! ежели вам приятен будет труд слабого последователя вашего, то он слишком заплачен. Ежели полезен будет он единоземцам нашим, вам они обязаны».⁵⁴

Другой воспитанник московских масонов, К. А. Лубьянович,⁵⁵ который, по свидетельству современника, «со страстию предавался чтению мистических книг»,⁵⁶ перевел с французского языка книгу «Рыцарь добродетели. Повесть, взятая из самых древних записок англинского рыцарства» (1792), имевшую подзаголовок: «Издание, посвященное всему российскому рыцарству». На обороте титульного листа за подписью «Издатель» было помещено стихотворное посвящение «К российскому рыцарству»:

Быть дружелюбным, святити правоту,
Хранити свой закон, честь, славу, чистоту,
Любить род человек и защищать теснимых —
Есть свойство рыцарей не ложных, справедливых.
<...>
Вы, русски рыцари, с вниманием прочтите,
Пример сей в рыцарях! сего примером чтите.

Для Лубьяновича эти слова были не декларацией, но руководством к действию. А. Е. Измайлов писал о нем: «...бедные, особенно вдовы и сироты, имели в нем благодетеля и покровителя. Чужд вовсе гордости и тщеславия, прост в обхождении и в домашней жизни, дружелюбив и ласков ко всем, он привлекал к себе сердце всех, и всякой, кто его знал, не мог не любить и не уважать его».⁵⁷ Рано осиротевший В. И. Софонович в детстве жил в доме Лубьяновича и впоследствии с большой теплотой и благодарностью вспоминал о нем. Посвящение «российскому рыцарству», как и другие масонские дедикации, адресовано друзьям, но друзьям, связанным между собой особыми отношениями, друзьям, причастным к общему делу.

⁵⁴ [Штендер Г. Ф.]. Истина религии вообще... М., 1785. С. XIV—XV.

⁵⁵ Корнилий Антонович Лубьянович (1756 или 1757—1819) был участником журнала «Беседующий гражданин» (1789), издававшегося Обществом друзей словесных наук, во главе которого стоял М. И. Антоновский. По предположению Ю. М. Лотмана, Лубьяновичу принадлежит «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия» (Беседующий гражданин. 1789. Ч. 1. Март. С. 255—275). См.: Лотман Ю. М. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века (А. Н. Радищев и А. М. Кутузов) // Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 100—101.

⁵⁶ Воспоминания Валерьяна Ивановича Софоновича // Русский архив. 1903. Ч. 1. С. 163.

⁵⁷ И[Измайлов А. Е.]. Некрология // Благонамеренный. 1819. Ч. 7. № 14. Июль. С. 130.

Проявлявшаяся у масонов корпоративность отсутствует в посвящениях Радищева, обращавшегося персонально к Кутузову как к своему самому близкому другу юности. В «Житии Ушакова» нет собственно посвячительного текста. Адресат лишь назван: «Алексею Михайловичу Кутузову». Но далее, в самом повествовании, автор постоянно обращается к другу, делаясь с ним своими воспоминаниями и размышлениями о дружбе — «блаженном сем союзе душ», выражая желание открыть перед другом «последние излучины сердца». Эта «эпистолярная природа» «Жития» сближает его с более ранним произведением Радищева — «Письмом другу, жительствующему в Тобольске» (1782), обращенном к С. Н. Янову, но не названному автором по имени.⁵⁸ Лишь в «Путешествии из Петербурга в Москву» у Радищева появляется четко выделенный текст посвящения, не входящий в самое повествование, но внутренне с ним глубоко связанный. При этом указаны только инициалы адресата: «А. М. К.». Читателям, уже знакомым с «Житием Ушакова», нетрудно было догадаться, что «Путешествие» посвящено тому же человеку. В обоих случаях имени автора не значилось ни на титуле, ни под текстом посвящения. Эта особенность становится характерной именно для дружеских дедикаций, которые имеют как бы двойную функцию: они рассчитаны на прочтение и близкими людьми, и людьми посторонними, незнакомыми ни с автором, ни с адресатом. В посвящении Радищева исследователи справедливо видят ключ к пониманию всего произведения, повествующего о «страданиях человечества». Даже не зная, кто такой А. М. К., можно вникнуть в идеи автора, содержащиеся в посвящении, согласиться с ними или оспорить их, может быть, проникнуться к нему сочувствием и подобно ему «соучастником быть во благодействии себе подобных».⁵⁹ Содержащееся в посвящении философско-публицистическое рассуждение обращено не только к Кутузову, но и ко всем читателям. В этом отношении Радищев продолжает традицию, уже намеченную в посвячительных письмах С. С. Башилова, М. И. Коваленского и др. Особый пласт радищевского текста открывается самому адресату — «любезнейшему другу», у которого автор ищет поддержки, несмотря на то что их мнения «о многих вещах различествуют»: «Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! ты близ сердца моего живешь — и имя твое да озарит сие начало».⁶⁰ Весь текст посвящения приобретает подчеркнуто личный характер, и это в свою очередь привлекает большее внимание читателя постороннего, но умеющего ценить чувство дружбы.

⁵⁸ См.: Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра // XVIII век. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 72—82.

⁵⁹ [Радищев А. Н.]. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790. Фото-литографическое воспроизведение первого издания. М.; Л., 1935. С. 3 нenum.

⁶⁰ Там же. С. 4 нenum.

Написанный Радищевым в Илимске во время ссылки трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» (начало работы над ним датировано 15 января 1792 г.) имеет краткое посвящение: «Друзьям моим». Г. А. Гуковский отметил, что «Радищев на протяжении всей книги неоднократно обращается к этим „друзьям“, „возлюбленным“, с которыми он разлучен ссылкой в Сибирь».⁶¹ Таким образом, посвящение неразрывно связано со всем художественным замыслом писателя. Говоря о возможных адресатах произведения, Г. А. Гуковский называл и А. Р. Воронцова, и других реальных друзей Радищева, и двух старших его сыновей. Это последнее предположение представляется наиболее вероятным. Посвящения друзьям по своему характеру во многом близки посвящениям, адресованным самым близким людям — членам семьи.⁶²

Уже с 1780-х гг. русские авторы, посвящая свои труды другу, стремились противопоставить себя сложившейся сервильной традиции, хотя, конечно, не так смело и принципиально, как Радищев. Некий третьестепенный литератор Кирилл Сергеевич Станиславский предварил свой перевод с французского языка «Повести о пустынноике» (1780) следующей дедикацией:

«Любезному другу моему Емельяну Аврамовичу Солодовникову

Любезный друг! Не знакомство, основанное на интересе, пристойное одним подлым душам, но дружба, сей приятный союз, утвержденный на честности, заставляет тебе посвятить сей малый опыт моих трудов: доброе сердце и природную остроту пустынноика заключаешь ты в себе. Иные сочтут за лесть мою похвалу; но дружба, никогда не вещающая лжи, опровергая их подозрения, послужит мне защитой. Я надеюсь, что ты, прочтя сию повесть, с удовольствием исправишь найденные тобою погрешности верного твоего друга.

Кирилла Станиславский».⁶³

В некоторых дружеских дедикациях, несмотря на декларируемый отказ от сервизма, упорно сохраняется традиционное называние адресата со всеми его чинами и наградами. Примером может служить стихотворное посвящение «Трудов уединения» (1781) В. П. Колычева,⁶⁴ обращенное к Н. П. Шереметеву:

⁶¹ Гуковский Г. А. Примечания // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 375.

⁶² Эту группу посвящений, достаточно обширную, предполагается рассмотреть в следующем выпуске сборника.

⁶³ Повесть о пустынноике. Переведена с французского на русский язык К. С. СПб., 1780. С. 5—6 нenum.

⁶⁴ См. о нем: Стенник Ю. В. Колычев В. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 109—110.

Не жертву принося, к тебе я возглашаю,
Не именем твоим я труд мой украшаю.
Все пышны имена, носимые тобой,
Богатство, данное лишь счастливым судьбой,
В восторг мя не влскут и ум мой не пленяют,
В душе моей почтенья не рождают

<...>

Прими мои труды свидетельством того,
Что дружества к себе ищу я твоего;
Ты оное хранить умешь, граф, не ложно!
Жить смертным без него на свете невозможно,
Им дружба от небес как лучший дар дана,
Подпора твердая их счастию она.⁶⁵

Называя своего адресата, известного и влиятельного вельможу, Колычев, сам происходивший из знатного рода, счел, однако, необходимым перечислить все титулы Шереметева: «Двора ея императорского величества действительному камергеру, Московского дворянского банка директору и польских орденов Белого орла и Святого Станислава кавалеру, его сиятельству милостивому государю моему Николаю Петровичу графу Шереметеву».

Через десять с лишним лет подобным же образом поступил некто И... В..., посвятив свой перевод с немецкого языка сатирической повести «Зиншехль во Франции, или Судьба одного индейца» (1793) «Его высокоблагородию, господину надворному советнику, Балахнинского казенного усолья директору и ордена святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени кавалеру Семену Захарьевичу Лаврову». Переводчик писал: «Оставляя искателям достоинств подлую лесть, униженно пресмыкающуюся пред ногами величества, богатства и славы, решился я, преложив мысли сего немца на отечественный язык, посвятить вам и тем доказать, что истинное к заслугам других уважение и беспритворная дружба еще существуют в свете».⁶⁶

Правда, можно предположить, что за отказом от лести иногда все-таки крылось стремление воздать хвалу, но более тонкую и изощренную, чем хвала откровенных «ласкателей».⁶⁷ Примечательно, однако, что в каждом из приведенных случаев речь идет о дружбе, а не покровительстве. Имя переводчика, скрывшего свое имя за инициалами И... В..., очевидно, было хорошо известно директору Балахнинского усолья Семену Захарьевичу Лаврову. Автор посвящения, называющий себя его «охотным слугой» (отметим: не «покорней-

⁶⁵ Труды уединения. В. К[олычев]. М., 1781. С. 5 нenum.

⁶⁶ Зиншехль во Франции, или Судьба одного индейца. Сатирическая повесть. Перевод с немецкого. М., 1793. С. 5 нenum.

⁶⁷ См.: Денз М. «Эстетика отказов» и отказ от похвалы в поэзии Карамзина 1792—1793 годов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 281—295; Шруба М. Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина // Там же. С. 296—311.

шим» или «нижайшим»), достаточно независим от адресата, и это придает свою тональность тексту дедикации, хотя и оформленной по принятому канону.

Правда, различие в общественном положении бывших соучеников и товарищей юности заставляло иногда соблюдать и в дружеских посвящениях принятый этикет. Так, Н. П. Осипов, обучавшийся в 1770—1771 гг. в кадетской роте при Измайловском полку вместе с Н. А. Львовым и выпускавший вместе с ним и другими участниками рукописный журнал «Труды разумных общников»,⁶⁸ спустя двадцать лет посвятил другу одну из своих книг. В 1790 г. Осипов, вышедший ранее в отставку в чине подпоручика, был принят переводчиком в Главное почтовое управление, вероятно не без содействия Львова, имевшего к тому времени чин статского советника и пользовавшегося покровительством А. А. Безбородко. Книга Осипова «Подробный словарь для сельских и городских охотников...» (Ч. 1—2. 1791—1792) открывалась посвящением «Его высокоородию, милостивому государю Николаю Александровичу Львову». Автор обращался к своему бывшему соученику весьма почтительно: «Удостоите принять благосклонную слабую сию жертву моего к Вам почтения, усердия и благодарности, коими я считаю себя Вам навсегда обязанным. Вы еще в юношеских невинных забавах посеяли во мне склонность упражняться в переводах, что теперь служит для меня не только приятным препровождением времени, но некоторым образом составляет большую часть моего содержания и доходов. <...> пребывая в прочем навсегда с душевным чувствованием особенного к Вам почтения, милостивый государь! Вашим покорным слугою».⁶⁹

Менее официальную тональность имеют некоторые другие посвящения Осипова. Так, свою книгу «Псовый лекарь...» (1792) он «приписал» Николаю Петровичу Савелову⁷⁰ «в знак искренности, почтения и приязни». Книга Осипова «Лакировщик...» (1798), предназначенная для «живописцев, иконописцев, гравировальщиков, маляров <...> и прочих всякого рода ремесленников», посвящалась другу — известному художнику Д. Г. Левицкому: «Его высокоблагородию почтеннейшему моему доброприятелю и другу Дмитрию

⁶⁸ См.: *Ланто-Данилевский К. Ю.* Н. А. Львов // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 242—249; *Пухов В. В.* Н. П. Осипов // Там же. С. 391—392.

⁶⁹ *Осипов Н. П.* Подробный словарь для сельских и городских охотников и ботанического увеселительного и хозяйственного садоводства. СПб., 1791. Ч. 1. С. 5 нenum. Текст этого посвящения приведен в статье А. Б. Никитиной «Н. А. Львов в отзывах современников» // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 21—22.

⁷⁰ Возможно, это тот самый «полковник Николай Савелов», который в 1790-е гг. перевел роман Ф. Бёрни «Цецилия, или Записки наследницы». Обращение Осипова к адресату посвящения «Ваше высокоблагородие» соответствовало чину полковника. О Н. Савелове см.: *Алексеева Н. Ю., Долгова С. Р.* Савелов Николай // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. С. 84—85.

Григорьевичу Левицкому. Посвящается сия книга в знак искренности от сочинителя».⁷¹

В 1780—1790-е гг. посвящения нового типа получают все большее распространение: отказ от титулов при назывании адресата-друга становится уже не редким исключением, а вполне обычным явлением. При этом главным предметом восхваления становятся нравственные достоинства того, к кому обращается автор. Женщины-писательницы и переводчицы вносят свою лепту и в развитие темы дружбы, и в реформацию жанра посвящения. Издавая свой перевод повести Л. Шарпантье «Арендарка маленького домика...» (1781), Е. И. Воейкова⁷² предварила его «дружеским приношением» «ее превосходительству милостивой государыне Шарлотте Ивановне Михельсоновой». Несмотря на обязательный титул, посвящение построено по типу дружеского письма, изобилующего экзальтированными признаниями в своих чувствах: «Любви достойная приятельница! Кому посвящу я торжество добродетели, как не самой добродетели? Кому свойственно покровительствовать достойную Луцилию, как не тебе, любезная приятельница? Тебе, которая все совершенства в себе имеешь. Тебе-то я труд мой и посвящаю <...>. Не в похвалах моего труда я славы себе домогаюсь, но в том, чтобы особа, столь достойная, какова есть ты, продолжала меня любить и называть своей приятельницею. Вот в чем состоит все мое честолюбие. Увенчай оное, позволив мне называться по смерти вернейшим твоим другом К. В.»⁷³

Продолжая традицию обращения к другу-литератору, единомышленнику, связанному с автором общими интересами и способному по достоинству оценить сочинение, Д. П. Горчаков⁷⁴ посвящает свою повесть «Пламири и Раида» (1796) Н. П. Николеву:

Другу моему Н. П. Николеву

Вот, любезный друг, безделка, которую я писал к тебе, полтора года тому назад! Сердце твое пленилось ею для того, что она излилась из сердца друга твоего. Начертание Раиды обворожило тебя. <...> Ты сказывал мне, что читал ее многим и что она многим

⁷¹ Лакировщик, или Ясное и подробное наставление о заготовлении, составлении и употреблении разного рода спиртовых и масляных лаков <...>. Собрано из разных иностранных и российских записок Н: О: [Осиповым]. СПб., 1798. С. 7 нenum.

⁷² См. о ней: *Белых Н. Н., Кочеткова Н. Д.* Воейкова Е. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 165—166.

⁷³ [Шарпантье Л.]. Луцилия, или Арендарка маленького домика, нравоучительная сказочка. Перевела с французского Катерина Восйкова. М., 1781. С. 5 нenum.

⁷⁴ Д. П. Горчаков и Н. П. Николев обращались друг к другу и со стихотворными посланиями. См.: *Степанов В. П.* Горчаков Д. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 223—226.

понравилась; это мне было приятно; но ты полюбил ее — и она напечатана.⁷⁵

Дружеские посвящения пишут не только авторы и переводчики, но и издатели. Купец Г. К. Зотов, опубликовавший вместе с Т. Полежаевым на свои средства книгу «Страсти молодого Вертера. Сочинения г. Гетте...» (1796), сопроводил издание следующим посвящением:

«Другу моему Петру Александровичу Зайцову, господину санктпетербургскому купцу.

Конечно, лесть никакого не имеет участия в приписании Вам мною сей книги. Одно мое к Вам дружеское почитание внутренних Ваших достоинств и более всего доброе Ваше сердце к сему меня побудили. Почему примите ее без спеси, равномерно как и я приношу Вам ее без лести. Издатель Г. З.»⁷⁶

Это «приписание», представляющее собой один из немногих примеров обращения купца к купцу, особенно замечательно. Герасим Кузьмич Зотов известен как владелец книжной лавки в Гостином дворе Петербурга, в которой весной 1790 г. продавалась крамольная книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Зотов был арестован дважды: первый раз — 26 июня (за пять дней до ареста Радищева) и через четыре дня освобожден, второй раз — 6 июля, после чего полтора месяца он провел в Петропавловской крепости.⁷⁷ Когда еще до его ареста полиция стала наводить о нем справки, то «знающие его купцы объявили, что он всегда был поведения хорошего и ни в каких подозрительных поступках никем не замечен».⁷⁸ Вполне вероятно, что среди этих купцов был и Петр Александрович Зайцов, которому Зотов с благодарностью адресовал свое дружеское посвящение. Во всяком случае несомненно, что Зайцов оказал ему серьезную дружескую поддержку в трудное время. Как признался Зотов во время следствия, он прочел книгу Радищева, и открывавшее ее дружеское посвящение не могло пройти мимо его внимания. Подчеркнуто дружеский характер посвящения Зотова имеет и по-

⁷⁵ Горчаков Д. П. Пламир и Раида, российская повесть. М., 1796. С. 3 нenum.

⁷⁶ Страсти молодого Вертера. Сочинения г. Гетте. С присовокуплением Писем Шарлоты к Каролине, писанных во время ее знакомства с Вертером. Вновь переведенные. Иждивением Т. Полежаева и Г. Зотова. СПб., 1796. С. 3 нenum. В издание вошла повесть И. В. Гете в несколько исправленном переводе Ф. Галченкова, ранее уже дважды издававшемся, и перевод анонимного сочинения «Письма Шарлоты...», также уже известная русским читателям по изданию 1792 г. Оба произведения, очевидно, пользовались популярностью у русских читателей.

⁷⁷ См.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966. С. 152—156.

⁷⁸ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 151.

лемический подтекст, выражая отрицательное отношение не только к лести сервильных авторов, но и к «спеси» адресатов их дедикаций.

Крепостной литератор В. Г. Вороблевский,⁷⁹ обычно сопровождавший свои переводы посвящениями своему господину графу П. Б. Шереметеву или другим титулованным персонам, поместил необычное посвящение в переведенной им анонимной книге «Яшина история, нравоучительное сочинение для малолетних детей» (1793):

«Государю моему Павлу Петровичу Драншеву, любезному дитяте.

Любезное дитя! Зная дружескую ко мне родителей твоих благосклонность, приписываю имени твоему сию малую книжку; причем желаю, чтоб ты, любезный мой, постарался сделаться подражателем Яшиных добродетелей, наипаче же честности и справедливости, которые суть главнейшим украшением молодых юношей, также много они отличают людей и в совершенных летах; с сим желанием пребуду навсегда вам, любезное дитя,

Усерднейший друг В. В.»⁸⁰

Рассказанная в книге история мальчика-подкидыша, выросшего в суровых обстоятельствах, но сумевшего отстоять свое достоинство, очевидно, была близка Вороблевскому. Адресат его посвящения — сын людей, с которыми у него сложились дружеские отношения (речь идет не о полученных от них милостях, но об их «дружеской благосклонности»). Можно предположить, что юный Павел Петрович Драншев — родственник выходца из Гавра художника-декоратора Жана (Ивана) Дранше, работавшего в России с 1790-х гг. Вороблевский, много занимавшийся по поручению Шереметева театральными постановками, мог быть знаком с этой семьей. Во всяком случае характерно, что посвящение к «Яшиной истории» написано в самом дружеском тоне, без тени подобострастия и адресовано к сыну не покровителей, а друзей.

В некоторых посвящениях самое слово «друг» в сочетании с тем или иным определением («друг добродетели и истины», «друг человечества») используется для характеристики адресата. Публицистический характер имеет дедикация В. В. Новикова, обращенная к «любезному другу» литератору Н. И. Страхову,⁸¹ с которым они

⁷⁹ О нем см.: Кузьмин А. И. Вороблевский В. Г. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 175—176.

⁸⁰ Яшина история, нравоучительное сочинение для малолетних детей. Переведенная с англинского, а с французского перевел Василей Вороблевский. М., 1793. С. 3—5 ненум.

⁸¹ См.: Рак В. Д. В. В. Новиков // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 358—359; Костин А. А., Стенник Ю. В. Страхов Н. И. // Там же. Вып. 3. С. 166—169.

вместе учились в гимназии Московского университета. В переведенной В. В. Новиковым «Нравоучительной повести о трех татарских государях...» (1784) представлен пример просвещенного правления, и с содержанием книги непосредственно связано посвящение. Переводчик выражает надежду, что «дела мудрого государя» «восхитят» сердце друга, «сочувственное к делам добродетельным, ибо истинный гражданин зрит всегда в добром государе отца, а в его подданных своих собратий».⁸² Хотя далее следуют официальные похвалы в адрес Екатерины II, дедикация заканчивается призывом «давать друг другу удостоверения в обязанности сердец наших союзом дружбы, обещаясь пребыть навсегда истинными и верными друзьями».⁸³

Дружеские дедикации по-прежнему нередко сближаются с обращениями к меценату. Однако самое выражение благодарности за полученную помощь или поддержку обретает новые формы. Так, П. И. Макаров, посвящая свой перевод книги Ж. Мемье «Граф Сент-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума» (1795) Николаю Андреевичу Всеволожскому, ограничивается следующими словами: «De l'estime à l'amitié [От уважения к дружбе]. Благородная душа делает добро, скрываясь, Чувствительное сердце угождает ей молчанием».⁸⁴

С. В. Салтыков, выступавший в печати под псевдонимом «С... Безвлас...»,⁸⁵ «приписал» свою поэму «Ревность святого Иоанна евангелиста...» (1796) Александру Ивановичу Болтину, в котором он видел духовного наставника. В этом стихотворном посвящении, непосредственно связанном с содержанием книги, создается портрет «благодетеля и друга», оказавшего на автора глубокое нравственное влияние:

Тебе, Болтин! я труд мой слабый посвящаю,
Тебе, в котором я все вместе обретаю:
И благодетеля и друга моего;
Вниманием своим ты удостой его!
Равно соединяя к Христу любовь и веру,
Апостольскому ты последуешь примеру.
Герой мой падшего восставил, обратил,
Ты некогда со мной подобно учинил.
Не от греховного паденья извлекая,

⁸² Нравоучительная повесть о трех татарских государях сынах Аюб-хана, или Опыт полезного владения, с французского на русский язык переведенная Васильем Новиковым. СПб., 1784. С. 5 нenum.

⁸³ Там же. С. 6 нenum.

⁸⁴ [Мемье Ж., де]. Граф Сент-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума. Перевод с французского. СПб., 1795. Ч. 1. С. 4 нenum. Имя переводчика в книге не указано.

⁸⁵ См. о нем: Кукушкина Е. Д., Муллин В. Н. С. В. Салтыков // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. С. 86—87.

В паденье сем лежу я, вечно не вставая,
Но ты мне способы такие подавал,
Чрез кои в свете я себе приобретал
Утеху, сладость, мир и внутренне спокойство.
Вот каково, Болтин, души твоей есть свойство.
Кому ж достойнее сей труд мой посвящу?
И где я ближе то подобие сыщу?
Как души Иоанн умел к спасенью строить,
Так ты умеешь их в сей жизни успокоить.⁸⁶

Бригадир А. И. Болтин с 1755 г. был женат на Евдокии Федоровне Голицыной (род. 1734), которая известна как переводчица драмы Вольтера «Сократ» (1774).⁸⁷ Можно полагать, что в семье серьезно интересовались литературой. По-видимому, к концу жизни у Александра Ивановича усилился религиозный настрой, о чем свидетельствует посвящение Салтыкова. Через три года, в 1799 г., Болтин скончался, и Салтыков написал ему стихотворную надгробную надпись, напечатанную с указанием: «Сочинил покойного брат о Христе, С... Безвлас...»). Надпись завершалась строками:

Ты жив, мой друг, ты жив! лишь здесь тебя не стало;
Кому избличать поклонников Ваала?⁸⁸

Переводчик «Повестей и разговоров» (1796) А. Г. Мейснера Г. М. Яценко вообще не стал называть имени адресата своего стихотворного посвящения, написанного не без пафоса:

Тому
Кто ризой правоты пресветлой облечен,
И добродетели венец на ком сияет,
Десницей милует, в душе любовь питает.
И человечества кто другом наречен!

Посвящает свой труд Гр. Я.⁸⁹

Правда, книгу с подобной дедикацией можно было поднести и другу-единомышленнику, и влиятельному вельможе, которого таким образом автор благодарил за полученные милости или выражал надежду на их получение.

⁸⁶ С... Безвлас... [Салтыков С. В.]. Ревность святого Иоанна евангелиста, или Торжество любви. Поема в одну песнь в стихах. М., 1796. С. 3 нenum.

⁸⁷ См. о ней: Кочеткова Н. Д. Болтина Е. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 119.

⁸⁸ Слово на погребение господина бригадира Александра Ивановича Болтина <...> говоренное <...> священником Феодором Дмитриевым... М., [1799]. С. 10 нenum.

⁸⁹ Мейснеровы повести и разговоры. Перевел с немецкого Г. Яценко. М., 1796. Ч. 1. С. 3 нenum.

Удивительный пример соединения двух разных типов посвящений в одном и том же издании представляет собой книга «Новый спутник и собеседник веселых людей...» (1796), переведенная Я. И. Благодаровым,⁹⁰ который почти все свои многочисленные труды старательно сопровождал дедикациями. Первая часть издания открывается вполне официальным посвящением лицу знатному — князю Н. А. Волконскому: «Его сиятельству милостивому государю, князь Николаю Алексеевичу Волконскому в знак истинного почитания и преданности приносит сию книгу трудившийся в переводе оный». Далее через страницу помещено посвящение дружеское, адресованное сразу нескольким людям, имена которых скрыты за инициалами: «Друзьям моим, Б... К... Б** и А... А... Д***». Обращаясь к ним со словами благодарности, «чувствительный» автор вспоминает о пережитых им несчастьях:

«Вам, любезные друзья, посвящаю сию книгу — труды досужного моего времени. — Принимая участие в обстоятельствах моей жизни, вы приобрели право на мою благодарность. — Могу ли я когда забыть дружеские советы и пособия, поданные вами мне в то время, когда несчастья доводили меня почти до отчаяния, и сердце мое, стесненное горестию, не находило никакого утешения? Никогда! Вот вам жертва моей чувствительности! Примите сие искреннее изъяснение и труды мои и будьте уверены, что я и умру с благодарным вам сердцем вашим вернопреданным слугою. Я. Б****».⁹¹

Вторая часть этого издания посвящения не имела, но в третьей (все вышли в одном и том же 1796 г.) появилось два новых «всеусерднейших» официальных посвящения: «его высокоблагородию Нилу Андреевичу Новикову» и «его благородию Петру Ивановичу Блюму». Круг благотворителей, к которым деятельный переводчик обращался с дедикациями и в других изданиях, оказывается широк: это и дворяне, и священнослужители, и дамы-меценаты. Тем не менее для Благодарова, с юных лет попавшего под влияние Новиковского кружка, важен был «долг дружбы». Поэтому неудивительно, что свой перевод масонского сочинения Б. Кёпке «Храм Соломонов...» (1800) он, как когда-то И. П. Тургенев, посвятил «Благодетелям и друзьям».

К дружескому посвящению оказывается иногда близко и предисловие, обращенное к читателю, в котором автор хочет видеть своего друга. Н. Г. Курганов,⁹² автор «Российской универсальной граммати-

⁹⁰ О нем см.: *Рак В. Д.* Благодаров Я. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 92—94.

⁹¹ Новый спутник и собеседник веселых людей, или Собрание приятных и благопристойных шуток <...> выбранных из лучших сочинителей, а на российский язык переведенных Яковом Благодаровым: М., 1796. Ч. 1. С. 5 нум.

⁹² См. о нем: *Рак В. Д.* Курганов Н. Г. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 171—174.

ки» (1769), многократно переиздававшейся под разными названиями, в «Приношении общем», обращенном к «читателю благочестивому, человеку доброму», писал: «...вашему благоразумию посвящая труд мой в знак моего усердия, издана в свет книга сия. За счастьечитаю, что я вам как любителю словесных наук и нашим согражданам между прочим и сею малодельностью услужить мог, в чем состояло главное мое намерение и желание, чтоб вы оною благочинно и благополучно пользовались».⁹³ «Приношение» было подписано: «Вашему благодарию доброжелатель Н. К.». Первое издание этого труда, кроме «Приношения общего», имело еще и «Особое», адресованное «Его высокородия высокопочтенного статского советника Алексея Афанасьевича господина Дьякова любезным детям»:

«Высокоблагородное юношество!

Приписываю имени вашему книгу сию в знак истинно дружеского к вам моего почтения и усердия как дражайшим отраслям благодетельных родителей и, ведая ваши качества, соответствующие их отменному о вашем воспитании попечению, уповаю, что вы оную охотно примете и по примеру пчел ею воспользоваться не преминете.

Ваш покорный слуга Н. К.».⁹⁴

Из текста этого посвящения явствует, что Курганов был в дружеских отношениях с известной семьей А. А. Дьякова,⁹⁵ на дочерях которого впоследствии женились В. В. Капнист (на Александре Алексеевне, 1759—1830), Н. А. Львов (на Марии Алексеевне, 1753—1807), а позднее Г. Р. Державин (на Дарье Алексеевне, 1769—1842). Вероятно, все они, так же как и другие дети Дьяковых, в детстве учились по книге Курганова.

Вологодский помещик и литератор А. В. Олешев⁹⁶ предварил свою компилятивную книгу «Начертание благодетельной жизни...» (1774) обширным посвятительным письмом, обращенным к «Вологодской провинции почтенному дворянству».⁹⁷ Подробно излагая свои представления о добродетельной жизни, автор поучал своих «любезных сограждан»: «Упражняясь в сельском земледелии

⁹³ [Курганов Н. Г.]. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие... СПб., 1769. С. 3 нenum.

⁹⁴ Там же. С. 4 нenum.

⁹⁵ См. о нем: Дзюбанов С. Д. «Верует в Резон, как во Единого Бога». (Подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова) // Г. Р. Державин и его время. Сб. науч. статей. СПб., 2008. С. 5—56.

⁹⁶ См. о нем: Левин Ю. Д. Олешев А. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 382—383.

⁹⁷ Во втором издании этой книги, вышедшем под названием «Вождь к истинному благоразумию и к совершенному счастью человеческому...» (1780) текст посвящения был повторен с незначительными изменениями.

и домостроительстве для чего бы дней наших не проводить спокойно, а притом и по установленному от нас самих порядку <...>. Входим в сад, рассуждаем с садовником, делаем некоторые естественные примечания, усматриваем от собственных трудов наших не малую пользу...»⁹⁸ Другую свою книгу «Цветы любомудрия...» (1778), составленную по материалам швейцарского альманаха «Choix littéraire», Олешев предварил назидательным «Предисловием», которое открывалось словами: «Добродетельный читатель! Тебе посвящаю я сей малый труд...» В книге «Остров надежды. Иносказание для детского чтения» (1785), изданной изданием Типографической компании, предисловие «К читателям» подписано: «Ваш друг переводчик».

Авторы ряда дедикаций непосредственно обращаются к читателям, в которых видят своих единомышленников, людей, имеющих сходные нравственные принципы, интересы и вкусы. А. Д. Байбаков (Аполлос),⁹⁹ сопровождавший многие свои сочинения посвящением «Богу, церкви, отечеству», в некоторых изданиях добавлял к этой формуле: «...и всем, чтущим веру, закон и добродетель» или «и всем благочестивым отечества сынам, чтущим веру, закон и добродетель».¹⁰⁰ Собранию своих «Слов», произнесенных в 1786 г., он дал заглавие: «Дар для благодетелей и друзей, состоящий в поучениях...» (СПб., 1786), придавая таким образом самому названию книги форму посвящения, адресованного целой группе лиц.

И. С. Рижский посвящает переведенную им книгу П. Мануцио «Краткое понятие о Сенате древних римлян» (1784) «Любителям римских древностей». П. З. Хомяков, автор книги «Похождение некоторого россиянина...» (1790), подчеркивает свое нежелание «приписывать» свой труд какому-то покровителю и обращается ко «всем читателям вообще, а особливо любителям долговременных путешествий». А. Г. Решетников¹⁰¹ посвящает свою книгу «Любопытный художник и ремесленник...» (1791) «Трудолюбивым моим соотечественникам». Упомянутый выше Н. П. Осипов обращается с пространным посвящением-предисловием к «Любезнейшим соотечественникам и согражданам, упражняющимся в земледелии

⁹⁸ Начертание благоденственной жизни... Перевел <...> Алексей Олешев. СПб., 1774. С. 7 нenum.

⁹⁹ О нем см.: *Степанов В. П.* Байбаков А. Д. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 48—52.

¹⁰⁰ См.: *Аполлос [Байбаков А. Д.]*. 1) Евгеонит, или Созерцание в натуре Божиих видимых дел... М., 1782. С. 3 нenum.; 2) Вера, надежда и любовь, учения богословского состав. М., 1782. С. 3 нenum.

¹⁰¹ О нем см.: *Кукушкина Е. Д.* 1) «Басни в стихах и прозе» в изданиях А. Г. Решетникова // *От немногих*. СПб., 2008. С. 128—148. [Подпись «Деревенский мечтатель»]; 2) Решетников А. Г. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. С. 38—41.

и скотоводстве и получающим от того пищу свою и богатство».¹⁰² Восхваляя сельский труд и призывая земледельцев не завидовать городским жителям, автор как «друг человеков» дает им множество практических советов. Вслед за Осиповым А. В. Рознотовский предваряет свой многотомный труд по сельскому хозяйству «Новое земледелие...» (1794—1800. Ч. 1—7) дедикацией: «Любезным моим соотчичам и всем достойным уважения земледельцам». Некий аноним посвящает свой перевод книги И. М. Бейера «Школа верховой езды...» (1795) «Милостивым государям, господам конным охотникам и заводчикам».

В. Богданов открывает свою книгу «Руководство к счастью и блаженству...» (1798) стихотворением, начинающимся строками:

Коль хочешь другом быть, читатель! сам собою.
Прими мой малой труд ты дружеской рукою.
Прими и познавай наклонности души,
Познай, и сим путем в храм счастья спеши...¹⁰³

Н. М. Карамзин сопровождает один из своих ранних переводов предисловием-посвящением «К читателю», из которого становится известно, что первая версия его перевода трагедии Г. Э. Лессинга «Эмилия Галотти», сделанная для постановки в театре, была раскритикована знающими людьми. Учтя их суждения и постаравшись при публикации в 1788 г. улучшить свой перевод, Карамзин писал: «Вам и посвящаю перевод мой — вам, умеющим ценить драматические сочинения и никогда не сравнивающим гишпанских фарсов с драмами Лессинга, — вам, видящим в первых одне острые шутки, а в последних произведения философа, проникшего взором своим в глубины сердца человеческого!»¹⁰⁴ Предисловие-посвящение становилось, таким образом, способом для выражения эстетических воззрений переводчика.

Г. А. Хованский, хорошо знавший Карамзина и ориентировавшийся на его творчество, использовал жанр дедикации, открывая свой сборник стихов «Мое праздное время...» (1793) «Письмом к друзьям моим»:

Я вам, друзья мои, труд слабый посвящаю,
Ни малой похвалы от вас не ожидаю.
Поутру пробудясь, когда вам дела нет,
Чесавши голову и делав туалет,

¹⁰² [Осипов Н. П.]. Карманная книга сельского и домашнего хозяйства.... СПб., 1791. С. III—XXXI.

¹⁰³ Богданов В. Руководство к счастью и блаженству. Наставление отца к сыну о познании Бога и самого себя. СПб., 1798. С. 3 нenum.

¹⁰⁴ Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях, сочиненная г. Лессингом. Перевод с немецкого [Н. М. Карамзина]. М., 1788. С. 3 нenum.

Стихотворения, пожалуйста, прочтите,
И, как угодно вам, за них меня браните,
Лишь только не в глаза, а, впрочем, нужды нет:
Кто пишет что-нибудь и выдает то в свет,
Тот критике себя, конечно, подвергает.
Там на берегу Нсвы уж Аристарх мигает.¹⁰⁵

К этой строке Хованский сделал примечание: «Издатели Санкт-петербургского Меркурия, кои обыкновенно пишут примечания свои на все вновь вышедшие сочинения». Далее, воспроизводя в шутиливой форме свой возможный диалог с литературными противниками, поэт использует посвящение в откровенно полемических целях. Так, жанровые возможности дедикации существенно расширялись, соответственно менялась и общая тональность, приобретающая характер дружеской беседы, не лишенной подчас известной фамильярности.

Е. П. Хомяков,¹⁰⁶ посвящая свою книгу «Забавный рассказчик...» (1790) капитану Х. Н. Попову, писал:

«Стремясь давно уже с вожделенным желанием оказать вам, государю моему, несомненный знак моей к вам дружбы, вознамерился я ныне произвести оное в действо сими слышанными от рассказчика и собранными мною сказками, которые я вам как другу моему предлагаю, вы их можете хвалить или хулить по своему рассуждению, а я оным исполнил свое намерение, доказав вам, что я есмь ваш, государя моего, всегдашний друг и слуга Евграф Хомяков».¹⁰⁷

В дружеских посвящениях имена автора дедикации и адресата нередко скрывались за инициалами или вообще не назывались. Некий N. N. посвятил Платону Петровичу Бекетову¹⁰⁸ свой перевод с французского языка «истинной повести» Ж.-Ф. де Сен-Ламбера «Зимео, или Принужденное жестокосердие». Переводчик писал: «Главный предмет, побудивший меня приписать Вам сию книгу, есть тот, чтоб исполнить долг благодарного друга и подать Вам способ избежать на несколько минут скуки, которую нередко

¹⁰⁵ Мое праздное время, или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах князя Григория Хаванскова. СПб., 1793. С. 1. Издавая через два года свой следующий сборник «Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах...» (М., 1795), поэт вновь включил это посвящение с небольшими изменениями в тексте.

¹⁰⁶ О нем см.: Веселова А. Ю. Хомяков Е. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. С. 368—369.

¹⁰⁷ [Хомяков Е. П.]. Забавный рассказчик, или Выдуманные небылицы. М., 1790. Ч. 1. Сочинение одного молодого россиянина. С. 5—6 нснум.

¹⁰⁸ О нем см.: Юонин Г. Н. Бекетов П. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 76—77.

праздность на нас наводит».¹⁰⁹ К некоему «любезному другу» было обращено посвяtitельное письмо автора драмы «Друзья соперники» (1782), представлявшей собой переделку одноименной повести К.-Л.-М. де Саси, переведенной на русский язык в 1779 г. Посвящение было подписано: «Верный твой друг П... О...». Авторство драмы, по указанию В. С. Сопикова, приписывалось Павлу Петровичу Острогорскому (1764—1834). Эта атрибуция была поставлена под сомнение В. Д. Раком, выявившим архивные документы, согласно которым до 1783 г. Острогорский обучался в Харьковском коллегииуме, а пьеса, по указанию на титульном листе, была «сочинена в Санкт-Петербурге 1781 году».¹¹⁰ В тексте посвяtitельного письма автор упоминает о своих «смущенных обстоятельствах», о том, что его «праздное время» было занято работой над драмой. Он так объясняет недостатки своего произведения: «...но как я трудился для собственного упражнения в скучное время и как оный есть первый труд мой, который осмелился я предпринять и который не имел я терпения со вниманием в скучных своих обстоятельствах пересмотреть; то и уверен, что он далеко несовершен <...> но ты, любезный друг, коему посвящаю я первый плод, в том, конечно, меня извинишь, ты знаешь положение мое и для того не будешь столь строго судить недостатки слабого сего творения». Не исключено, что «смущенные» или «скучные обстоятельства» имеют все же отношение к биографии Острогорского, если предположить, что он еще до официального отчисления из Харьковского коллегиума ездил в Санкт-Петербургскую учительскую семинарию, куда он был принят в 1783 г. Обращаясь к «любезному другу», автор пространно рассуждал о пороках современного общества: «Ныне повсюду видим роскошь вместо здоровой умеренности, сластолюбие вместо вернейшей любви, лесть, гордость вместо познания самого себя и пристойности, не видно больше ни благотворительных сердец и ни истинной дружбы, а, напротив того, тщеславие, упрямство, обман нами владычествуют; душевные свойства удаляются, а вкравшиеся пороки в прежние веки закоренелыми остаются...»¹¹¹

Перевод книги Э. Бонот «Прогоулки г. Франкли», осуществленный Е. В. Рознотовским и опубликованный им анонимно в 1782 г., был «приписан» «Почтеннейшему другу И... Р... Б...»¹¹² Текст этого

¹⁰⁹ [Сен-Ламбер Ж. Ф., де]. Зимео, или Принужденное жестокосердие. Истинная повесть. Перевод с французского языка. СПб., 1781. С. 3 нenum.

¹¹⁰ См.: Рак В. Д. Острогорский П. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 394—396.

¹¹¹ Друзья соперники. Драма в пяти действиях. Сочинена в Санктпетербурге 1781 году. СПб., 1782. С. III, VI.

¹¹² О Е. В. Рознотовском см.: Долгова С. Р. Рознотовский Е. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 59—61. Принадлежность ему перевода подтверждает указание его фамилии во 2-м издании книги (СПб., 1787), в котором посвящение отсутствует.

посвящения представляет несомненный интерес как свидетельство многолетней дружбы — очень личный документ, характеризующий как автора, так и адресата, оставшегося нам неизвестным. «...Прими теперь, любезнейший мой брат! — обращался к другу переводчик, — сие к тебе приношение не яко плод некоего знания, которым бы суетно возмечтал я тщеславиться, но как искреннейшую к вам признательность; к вам, которого тридцатилетние сряду опыты дружества много облегчили трудностями исполненную жизнь пребывающего с истинным к вам почитанием покорнейшего слуги...»¹¹³

Характер посвящения нередко определялся содержанием книги. Сочинение некоего автора, скрывшегося за инициалами «М. Ц.», «Маловременные владетели, или Блестящая масленица» (1785) было адресовано «почтенному приятелю». Этот своеобразный бурлеск, описывавший народные гулянья в Петербурге, предварялся полушутливой дедикацией. Автор, в частности, признавался: «Признаюсь Вам, что когда писал я, вменяя тут низкого состояния народа в масленичное время обхождении, был в веселом духе и, не могши воздержаться, принужден был во многих местах подвергать себя смеху, который часто затмевал почти мои мысли. Прими, почтенный приятель, сию новизну, которую посвящаю Вам от искреннего моего дружелюбия, и сочти по народной пословице: малое за велико...»¹¹⁴ Свою известную пьесу «Ямщики на подставе. Игрище невзначай» (1788) Н. А. Львов предварил стихотворным «Приношением его высокоблагородию С. М. М.» — С. М. Митрофанову,¹¹⁵ литератору и певцу, возглавлявшему русский хор. В соответствии с характером пьесы это приятельское «приношение» стилизовано под простонародную речь:

...Я от тебя не потаю,
По нотам мерного я не причастен вою,
Доволен песенкой простою,
Ямскою, хваткой, удаюю;
Я сам по русскому покрою
Между приятелей порою
С залищем иногда пою.¹¹⁶

¹¹³ Прогулки г. Франкли. Изданное на аглинском языке сестрою его. С французского на российский язык перевел... [Е. В. Рознотовский]. СПб., 1782. Ч. 1. С. 4 нenum.

¹¹⁴ Маловременные владетели, или Блестящая масленица. СПб., 1785. С. V—VI. Посвящение в одной части тиража подписано «Усердный слуга ***», в другой части тиража указаны инициалы: «М. Ц.».

¹¹⁵ О нем см.: Степанов В. П. Митрофанов С. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 292—293.

¹¹⁶ [Львов Н. А.]. Ямщики на подставе. Игрище невзначай. Тамбов, 1788. С. 3 нenum. См. также: Львов Н. А. Избранные сочинения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1994. С. 253.

Хотя русские переводчики, как правило, не включали посвящения авторов оригинальных сочинений, но есть случай, когда трудно определить, автору или переводчику принадлежит обращение «Другу моему N*** Б***», предваряющее книгу под названием «К чему служит титул, когда сочинение само по себе хорошо» (1788). На титуле указано, что перевел книгу с французского Сергей Яцын,¹¹⁷ а в посвящении, которое не подписано, говорится: «Вот, друг мой, сокращение того романа, о котором ты меня просил; ты найдешь, может быть, много подробностей в других книгах, но не в этой, ибо я не хотел, чтоб ты платил излишние деньги почтальиону. <...> я ничего от себя не прибавлял, но писал самую истину...»¹¹⁸

Переводчик книги де Милли «Ощущении сердца» (1790) Александр Рожнов тоже не подписал своего имени под посвящением, адресованным «любезному другу Я. И. Л.». Эта дедикация была краткой, но несколько высокопарной: «Прими, любезный друг, от усердия моего сей слабый труд, который посвящаю тебе в знак чистейшего моего признания и дружбы. Сия есть жертва жертвующего...»¹¹⁹ Переводчик книги Ж.-К. Горжи «Блансай» (1797), скрывшийся за инициалами «С. К.», «приписал» свой труд некоему «любезнейшему другу». Текст этого посвящения отличается шутиливой непринужденностью:

«...Руководствуем будучи твоею волею, решился хоть дурно, да перевести. Готовься теперь со мною вместе краснеть, как станут ценить мой перевод и при всякой главе повторять: „Как жаль, что переводчик взялся за такое дело, которое сверх сил его, и изуродовал столь прекрасное сочинение!“ — усердное желание посвятить Блансай твоему имени заставило меня подвергнуть себя сим справедливым укоризнам. Прими сие, мой милый друг! за новое изъявление моей приверженности к тебе и будь уверен, что и в дурном переводчике имеешь ты навсегда хорошего и верного тебе друга».¹²⁰

В стихотворных дружеских посланиях-посвящениях заметна та же свобода разговорной интонации. Обращение к другу предполагает ожидание его реакции на «приписанное» ему сочинение,

¹¹⁷ О нем см.: *Демин А. О. Яцын С.* // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. С. 470—471.

¹¹⁸ К чему служит титул, когда сочинение само по себе хорошо. М., 1788. С. 3—4 нenum.

¹¹⁹ *Ощущении сердца*. Повесть, сочиненная девицею Милли, а с французского языка на российский переведенная. Издано А. Р. СПб., 1790. С. 3 нenum. В экземпляре, хранящемся в БАН, инициалы раскрыты: «Издано Александром Рожновым».

¹²⁰ *Блансай*. Роман г. Горжи <...>. Переведено в селе Комарева. М., 1797. С. 3—4 нenum.

поддержку или справедливую критику. Н. С. Ильинский¹²¹ сопроводил экземпляр (или экземпляры?) своей публикации стихотворения «Мысли о человеке» (1790-е гг.) посвящением, адресованным Михайле Алексеевичу Ладыженскому:

Прими, любезный друг! дар сердца откровенна,
Усердием к тебе и дружкой прилепленна;
Прими его и будь ты истинный судья,
Здесь нужен правый суд и нежна мысль твоя.
Я, зыблем суетой и горестью стесненный,
Писал те мысли, быв печалью угнетенный.
Ты можешь различить, что истина, что ложь,
И знаешь, что сей свет на правду не похож.
<...>

Прими труд слабого таланта моего,
Достойно что найдешь вниманья своего,
Ты счастье мое на случай сей составишь
И горести моей ты сим, мой друг, убавишь.¹²²

Посвящая книгу «Разные стихотворения, сочиненные во Пскове», изданную не ранее 1800 г., другому «любезному другу», имя которого скрыто за инициалами «В... С...», Ильинский писал о своих стихах: «Твое желание иметь их у себя побудило меня выдать их в сем образе и тем подало благовременный случай изъяснить, сколько тебе предан. Твой вернoусердный друг Н... И...»¹²³

Некоторые авторы стремились придать своим дружеским посвящениям лирическую тональность, широко используя лексику, характерную для массовой литературы сентиментализма. Третьестепенный литератор Я. И. Романовский перевел анонимное сочинение «Жертва чувствительной души» (1799), посвятив труд «истинному, благодетельному, единственному другу, г. Семивскому».¹²⁴ Вспоминая свою юность, автор обращался к другу: «Под сению сея-то священных дружбы с тобою, в весну дней моих возвышались, возрастали и созревали мои чувства. Наступило лето — и се проливается сладость и удовольствие от созревших плодов ея! Сколь приятно сохранять мне как нечто священное все цветы, рассеянные тобою по трудной стези моей жизни и сколь вожделенно собирать для тебя те, какие могу найти сам! Тебе принадлежат все мои чувствования;

¹²¹ О нем см.: Кочеткова Н. Д. Ильинский Н. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 355—356.

¹²² [Ильинский Н. С.]. Мысли о человеке. Б. м. и б. г. С. 1 нenum. Экземпляр РНБ (шифр: 18.153.1.375). М. А. Ладыженский, возможно, брат литератора Николая Алексеевича Ладыженского.

¹²³ [Ильинский Н. С.]. Разные стихотворения, сочиненные во Пскове Н... И..., а напечатанные другом его В... С... Б. м., б. г. С. 2 нenum.

¹²⁴ Очевидно, Николаю Васильевичу Семивскому, ставшему в начале XIX в. иркутским вице-губернатором.

тебе посвящаю и труды мои в жертву чувствительной души моей. Сей залог, сие торжественное излияние сердца моего пред тобою да послужит вечным памятником дружбы нашей, дабы следы ея могли пережить нас самих. Р...».¹²⁵

Подобные экзальтированные признания оказываются все же единичными; обычно тональность дружеских посвящений более спокойная. В обращении чаще всего встречается формула «любезному другу», реже «любезнейшему другу» (посвящения Б. К. Бланка, П. И. Шаликова и др.). Некто, скрывший свое имя за инициалами И. М., посвятил свой перевод «почтеннейшему другу В... А... Л...» (возможно, В. А. Левшину).¹²⁶ В изданиях XVIII столетия появляются посвящения с формулой, получившей впоследствии широкое распространение: «в знак дружбы» или «в знак дружбы и почтения». Так, И. А. Двигубский (1771—1839), переводчик ряда сочинений по медицине, посвятил один из своих трудов «милостивому государю» Ефрему Осиповичу Мухину (1766—1850), по совету которого был осуществлен перевод «в знак дружбы и почтения».¹²⁷

Редкий случай представляет собой посвящение памяти друга. Так, анонимный автор посвятил «Духу друга моего» свое стихотворение «Смерть христианина», написанное под непосредственным впечатлением утраты и имеющее точное хронологическое обозначение: «1797. Августа 28».¹²⁸ Лишь тематически это стихотворение может быть соотнесено с прозаическим этюдом Н. М. Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона» (1795), написанным на смерть его друга А. А. Петрова. Стихи анонима, стремившегося утвердить победу праведника над смертью, назидательны и тяжеловесны.

Карамзин, учивший в предисловии ко второй книге альманаха «Аониды» (1797) избегать как «излишней высокопарности», так и «притворной слезливости», «находить в обыкновенных вещах пиитическую сторону», дал пример дружеского посвящения в отдельном издании «Писем русского путешественника» (1797—1801): «Семейству друзей моих ПЛЩВХ: к вам писанное вам же и посвящаю. Н. К.». За этими краткими строками крылось многое. Свое лучшее беллетристическое произведение Карамзин посвящал семье Плещеевых, с которой его связывала дружба на протяжении более двух десятилетий, — дружба, сыгравшая исключительно важную роль в его биографии и творчестве.

Дружеское посвящение, порожденное культом дружбы и противостоявшее официальной дедикации, при всех своих модификациях

¹²⁵ Жертва чувствительной души. Переведено в селе Грибанове. М., 1799. С. 3, 5—6 нenum.

¹²⁶ [Гейне Х. Л.]. Антония, дочь графа О... <...>. Перевел с французского И. М. Калуга, 1793. С. 3—4 нenum.

¹²⁷ Пихлер И. Ф. Наставление сочинять рецепты... М., 1796. С. 3 нenum.

¹²⁸ Единственный известный экземпляр этого издания хранится в РГБ (шифр: РК-4 / 96-М).

сохраняет в большинстве случаев особенности жанра: это паратекст, в большей или меньшей степени связанный с содержанием книги. В дружеских посвящениях присутствует и *topos modestiae*: стремление автора приуменьшить собственные литературные заслуги и обратить внимание адресата на свое усердие. Панегирический элемент часто присутствует в дружеских «приписаниях», так же как и выражение благодарности за помощь или за указание на избранную для перевода книгу.

Вместе с тем эти посвящения становятся менее регламентированными. Как эпистолярный жанр или стихотворное дружеское послание они предоставляют автору значительную свободу: тематический и стилистический диапазон расширяется: то, что было бы неуместно и даже просто невозможно в дедикации, адресованной официальному лицу, естественно проникает в дружеское посвящение. Здесь и философские рассуждения, и лирические воспоминания, и непринужденная шутка. Автор получает возможность больше и откровеннее сказать о себе и о тех отношениях, которые его связывают с адресатом. Внимание к человеку частному, к его личной судьбе — все это получает отражение в посвящениях нового типа.